

# Понятие наркотических средств по законодательству России и Узбекистана (сравнительно-правовой анализ)

## Мальков Сергей Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России,  
E-mail: sergeymalkov@mail.ru

## Агафонов Александр Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России,  
E-mail: aleksandravagafonov@yandex.ru

В предложенной авторами статье последними рассмотрены некоторые вопросы, напрямую посвященные легально обусловленной регламентации борьбы с противоправным наркооборотом проводимой правоприменительными органами, как Российской Федерации, так и Узбекистана на территории двух сопредельных государств.

С этой целью нами рассмотрено легальное смысловой наполнение, такого нормативно-правового термина как «наркотические средства», причем с точки зрения обусловленности закрепления последних в ряде законодательных актов, принятых как Российской Федерации, так и Республики Узбекистан.

Показаны существенные признаки самого предмета наркопреступлений. Осуществлен их краткий доктринально правовой анализ, в первую очередь путем формального сравнения и логического анализа.

По результатам проведенного исследования нами были сформулированы вполне конкретные и, в целом, социально обусловленные выводы.

**Ключевые слова:** экстази, наркотические средства, галлюциногенные вещества, мононаркомания, полинаркомания, немедицинское потребление наркотических средств, безопасность отечества, интересы отечеств, Реестр наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, Уголовное законодательство, Россия, Узбекистан.

В доктрине современного международного уголовного права ныне обще признано, что для второго десятилетия текущего столетия явно налицо постепенные, но неуклонно нарастающие, безусловно, реальные угрозы для жизни и здоровья всего не только одного вполне конкретного и индивидуально определенного человеческого индивидуума, но и для всего человеческого социума в целом, которые неизбежно возникают в результате не медицинского, а, следовательно, и незаконного потребления населением всех ныне существующих стран, наркотиков и иных подобных ему веществ.

Настоящая проблема обладает не только общемировым масштабом. Последний складывается, безусловно, и из более ограниченных национально обусловленных масштабов.

Так, например, указанная проблема явно характерна не только для Российской Федерации, но и для Республики Узбекистан, в частности. Последнее обусловлено, уже тем, что Республика Узбекистан как географически обусловленный регион нашел свое место именно на перекрестке, расположенном между Южной Азией и Европой и вследствие последнего, вызывает весьма существенный интерес со стороны как межнациональной, так и международной наркопреступности в целом.

Следовательно, наркопреступность приобретает не только сугубо узконациональный узбекский оттенок, что является, в целом вполне традиционным видом преступности для Узбекистана, международная преступность использует эту страну не только как рынок для последующего сбыта наркотических средств, но также и как наркотрафик, с целью организации в сбыта, причем не только на территории российского государства, но, в том числе и на территории стран, причем как Западной, так и Восточной Европы.

Таким образом, именно немедицинское, а, следовательно, и противоправное потребление наркотиков есть результат умышленного воздействия определенных, экономически обусловленных сил, действующих, в том числе и на международной арене. Вследствие чего наркопреступность, безусловно, представляет собой вполне реально существующую угрозу для национальной безопасности Республики Узбекистан в целом. [6]

Впрочем, последнее, по нашему мнению, крайне характерно не только в целом для указанной нами среднеазиатской республики, но и для Российской Федерации также.

Более того, согласно мнению министра МВД России Владимира Колокольцев, именно не меди-

цинское, а, следовательно, и не законное распространение и потребление наркотиков в масштабах всей Российской Федерации следует относить к числу наиболее существенных угроз национальной безопасности нашей страны. [10]

При этом необходимо помнить и то, что под подобного рода угрозами национальной безопасности двух наших стран явно необходимо понимать определенную реально существующую совокупность неких условий и факторов, в результате наличия которых и возникает прямая или косвенная возможность причинения реального ущерба последним. [5]

Наркомания, безусловно, обладает всеми перечисленными выше стратификационными признаками. Именно наличие последних и позволяет нам утверждать, что подобного рода социальное заболевание характерна для двух наших государств и обладает вполне реальной возможностью причинения ущерба национальным интересам, причем как России, так и Узбекистана.

Среди которых первичным, безусловно, выступает способность наркотиков реально посягать в негативном порядке не только на прогрессивный и социально обоснованный демографический рост населения этих двух государственно подобных объединений, но и на генофонд всего человечества в целом.

В связи с противодействием последнему не только современным российским, но и узбекским государством приводится в действие некий, но вполне конкретный синтез социально обусловленных мер, направленных, в том числе, и на обеспечение законодательно обусловленной борьбы с немедицинским потреблением наркотиков.

Общественную опасность наркопреступности подчеркивает, по нашему мнению и тот факт, что основное количество зарегистрированных наркопреступлений в Российской Федерации в 2017 году (83240), в 2018 (159200), в 2019 (164561), в 2020 (152218), в 2021 (150727), согласно ст. 15 УК РФ, относилось к тяжким или особо тяжким преступлениям.

Более того около 33% рассматриваемых нами преступлений: в 2017 году (24 425), в 2018 (54 414), в 2019 (59 667), в 2020 (63 864), в 2021 (71 327) были совершены в особо крупном размере.

Из них, максимальное число зарегистрированных наркопреступлений: в 2017 году (123 061), в 2018 (213 614), в 2019 (218 401), в 2020 (205 466), в 2021 (199 516) составили именно незаконные действия по производству, сбыту, пересылке наркотиков в целом.

При этом, число анализируемых нами преступлений, обусловленных нелегальным сбытом этих веществ, составило практически 50% от общего числа всех зарегистрированных в России преступлений: в 2017 году – 63 071, в 2018–122 848, в 2019–124 789, в 2020–113 607, в 2021–109 801.

За предыдущий к истекшему года российские правоохранительные органы по фактам нелегального оборота наркотических средств возбудили 9 440 уголовных дел.

За 11 месяцев прошлого года правоприменителями России было выявлено около 165, 7 тыс. наркопреступлений, что в свою очередь, на 1,4 меньше, чем было зафиксировано последними за аналогичный период предыдущего отчетного периода. [7. С. 4]

В свою очередь, только за 2021 г. судебными органами республики Узбекистан было рассмотрено 3677 уголовных дел, возбужденных по фактам нелегального оборота наркотиков. [11]

При этом, еще в конце прошлого века, а если указать более подробно, в 1998 году была принята, а в последствии и существенно не только переработана, но и довольно широко расширена законодательство этих двух стран.

При его реформировании национальными законодателями был довольно успешно учтен и подобный опыт международного сообществ. Так, были ратифицированы некоторые международные правовые акты, направленные на борьбу с наркопреступностью. В результате чего, стала развиваться в дальнейшем, причем не только российская, но и узбекская законодательная, в том числе и уголовно правовая, база, посвященная оптимизации борьбы с подобным, безусловно, опасным проявлением социального бытия наших стран.

Так, например, в гл. 25 УК РФ (Преступления против здоровья населения и общественной нравственности) нами отмечается определенная совокупность статей (ст. ст. 228, 228.1, 228.2, 229, 229.1, 230 УК РФ) где в качестве предмета преступления выступает именно наркотическое средство.

В свою очередь, и в структуре Уголовного кодекса Республики Узбекистан мы отмечаем главу XIX, структура которой состоит из составов преступлений, предусматривающие уголовную ответственность именно за нелегальный оборот наркотических средств. [6]

При этом в уголовном законе Российской Федерации полностью отсутствует нормативно правовое определение такого категориального понятия как «наркотические средства»). Что не скажешь, в свою очередь, в отношении уголовного законодательства Республики Узбекистан.

Впрочем, вполне легальное их трактование прямо закреплено в административном законодательстве Республики Узбекистан и России.

В ФЗ РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 г. № 428 ФЗ) «О наркотических средствах и психотропных веществах» и Законе РУз от 19 августа 1999 г. № 813–1 (с изм. и доп. на 27.10.2020 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах» довольно четко зафиксированы эти явно основополагающие правовые понятия. Последние довольно активно используются законодателем при построении вполне конкретных уголовно правовых норм, на базе которых, в свою очередь, осуществляется противодействие немедицинскому потреблению наркотиков.

Этимологическое наполнение содержания незаконного оборота последних, российский законодатель предлагает ограничить ссылкой на необхо-

димось нарушения правонарушителем отечественного законодательства [9], а узбекский, явно не оставляет попытки, по нашему мнению, раскрыть и обосновать данное содержание данного понятия более широко и, видимо, предметно.

Так, под оборотом наркотиков, по его мнению, необходимо понимать: «...ввоз (вывоз), транзит, хранение, отпуск, реализация, распределение, приобретение, перевозка, пересылка, разработка, производство, изготовление, а также использование и уничтожение наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, а также культивирование наркотикосодержащих растений».

Вследствие чего, и это необходимо признать, узбекский законодатель предлагает явно расширенное толкование такого используемого его российским коллегой нормативно-правового термина как «оборот», что в свою очередь, вряд ли, по нашему мнению, необходимо приветствовать, так как налицо крайне расточительное отношение к нормативно правовому текстуальному пространству.

Кроме того, узбекский законодатель ничего не упоминает и о противоправности подобного «оборота», т.е. явно не делает никакой существенной сущностной разницы между легальным и противоправным оборотом наркотических средств, что, в свою очередь, мы так же приветствовать не в силах.

Далее, по нашему мнению, необходимо указать и на то, что такое явно нормативно правовое понятие как «наркотик» законодатели двух наших стран при конструировании конкретных уголовно правовых норм не используют, заменяя его в свою очередь таким уголовно правовым термином как «наркотическое средство».

При этом, необходимо помнить, что в доктринально правовой и не только науке, например, в медицинской, такой термин как «наркотик» используется явно в расширенном смысловом значении, т.е. под ним, в свою очередь, доктринальные работники и исследователи предлагают понимать все запрещенные на уровне закона психоактивные вещества вне зависимости от их фармакологии. [7]

В результате чего и это необходимо признать, по крайней мере с точки зрения формальной логики, соотношение двух правовых категориальных понятий, таких как «наркотик» и «наркотическое средство» следует рассматривать как целое и его часть.

В прочем, верховный российский правоприменитель все-таки рискнул предложить своим региональным коллегам поднормативно правовое определение наркотика или если быть более предметным наркотиков, что, впрочем, по нашему мнению, содержательно полностью идентично друг другу.

Так, под наркотиками последний, в свою очередь, предлагает понимать совокупность, состоящую из наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов, новые потенциально опасные психоактивные вещества, а также растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. [5]

В целом настоящую репликацию следует признать весьма удачной. Однако здесь, по нашему мнению, возникает один весьма закономерный и неизбежный вопрос об обусловленности использования настоящего правового термина именно в подзаконном акте, каким, безусловно, является указ Президента России, не целесообразнее его, по нашему мнению, было бы использовать именно в тексте ФЗ РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ, где последний смотрелся бы, как мы считаем, вполне органично и, более того вполне логично.

Впрочем, тогда неизбежно возникал бы вопрос и содержательном наполнении самого названия этого нормативно правового акта. Так как если его анализировать буквально, то в идеале бы он не должен давать нормативно правового определения таким составным частям наркотиков, как прекурсоры и аналоги. В связи, с чем на наш взгляд вполне логичным будет выглядеть наше предложение о новой редакции ФЗ от 8 января 1998 года в виде «О наркотиках».

Аналогичное предложение мы явно в силах предложить и узбекскому сенату.

В ст. 1 ФЗ РФ № 3-ФЗ понятие наркотических средств раскрывается следующим образом: «... наркотические средства – вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, в том числе Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 года».

Узбекский нормотворец в свою очередь предлагает нам понимать, под этими средствами – «... вещества синтетического или природного происхождения, наркотикосодержащие препараты и растения, внесенные в списки наркотических средств и подлежащие контролю...» [3] на территории современной узбекской республики.

Однако, несколько ранее и на это мы обращали внимание своего читателя, национальный узбекский законодатель в разд. VIII УК РУз также зафиксировал определение понятия «наркотические средства», как «... вещества синтетического или природного происхождения, наркотикосодержащие препараты и растения, внесенные в списки наркотических средств и подлежащие контролю в Республике Узбекистан».

Проецируя друг на друга тексты этих двух правовых норм, причем явно различной отраслевой принадлежности, необходимо сделать вывод об их полной идентичности. Сравнивая даты вступления в законную силу УК РУз и Закона РУз от 19.08.19 г. № 813–1 следует указать на примат все-таки первого нормативно правового акта. Тогда возникает довольно неизбежный вопрос о необходимости содержательного дублирования этого нормативно правового термина именно на уровне административного права.

Дальнейшее текстуальное сравнение содержания двух правовых норм предложенных российским и узбекским законодателями обуславливает наш вывод о том, что налицо существенные отличия этих норм друг от друга.

Так, общим для них является, безусловно, то, что законодатели Республики Узбекистан и Российской Федерации в качестве наркотических средств признают не только некие субстанции синтетического или естественного (узбекский нормотворец при этом предлагает использовать такой легальный термин как «природный», который, однако выступает в качестве синонима российского законодательного термина «естественный») происхождения, но и препараты.

Впрочем, такое нормативно обусловленное и активно используемое нашими отечественными законодателями правовое понятие, как «вещество» через призму действующего законодательства России и Узбекистана не раскрывается, что в свою очередь также не относится и к содержанию такого нормативно правового термина как «препараты».

В материалах судов, как первой, так и второй инстанции двух наших стран также не содержится определение этих двух категориальных понятий.

В физике под веществом традиционно понимают всего лишь одну из форм материи, состоящую, в свою очередь, либо из фермионов, либо содержащую последние наравне с бозонами. Материя при этом обладает массой покоя, чем и отличается от некоторых типов энергетических полей, таких, как например электромагнитное.

При этом общепринято, что при наличии сравнительно низких температурах и плотностях, вещество может состоять из частиц, среди последних наиболее часто встречаются электроны, протоны и нейтроны.

Два последних образуют атомные ядра, а все в совокупности – атомы или атомное вещество, последние в свою очередь, служат в качестве составных веществ для создания молекул, кристалл и так далее. [7]

А, под препаратом (от лат. *praeparatum* – лекарственное средство), российский законодатель понимает «...смесь веществ в любом физическом состоянии, содержащая одно или несколько наркотических средств или психотропных веществ либо один или несколько прекурсоров, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». [9]

Впрочем, современный узбекский законодатель, в свою очередь, в качестве препарата пытается рассмотреть именно «...смесь веществ в любом физическом состоянии, содержащая одно или несколько наркотических средств или психотропных веществ». [3]

Настоящие легально закрепленные определения, по нашему мнению, явно аналогичны с точки зрения содержательного характера, друг другу, впрочем, российский законодатель сформулиро-

вал настоящее понятие наиболее емким, а, следовательно, и более предметным.

Эти физические субстанции материального мира нашли свое формальное отражение в специальных списках, которые на территории двух наших государств, имеют вполне легальное распространение, а, следовательно, и обязательны к исполнению. Подобные списки служат в качестве одного из основных обоснований признания вещества в качестве наркотика, а следовательно, и в качестве предмета незаконного оборота последних. Составление последних регулируется административно правовой отраслью российского права.

Отличие друг от друга этих двух национально обусловленных правовых норм состоит, по нашему мнению, в том, что:

1) российский законодатель в качестве составной части наркотического вещества признает и прекурсоры. Их нормативно-правовое определение также зафиксировано в ФЗ РФ № 3.

Впрочем, с точки зрения общефилософских понятий, под ними явно необходимо понимать, некие вещества, которые участвуют в реакции, в результате чего появляется целевое вещество.

Узбекский нормотворец, наоборот, не признает прекурсоры, в качестве составной части наркотических средств.

Российский законодатель фокусирует внимание своего национального правоприменителя на том, что надзор за уголовно наказуемым оборотом наркотических средств на российской территории осуществляется органами государственной власти, в том числе и правоохранительными, руководствуясь исключительно нормами права.

В Республике Узбекистан данное положение отнюдь не конкретизируется. Отсюда, видимо, вполне возможен и вывод и о том, что на территории Узбекистана сбыт и приобретение наркотиков вполне может осуществляться и на базе некоторых морально-этических норм или социальных запретов, что в свою очередь явно противоречит в целом принципу государственного суверенитета.

С формальной точки зрения правоприменителя определить правовое положение какого либо ныне объективно существующего средства или вещества, причем имеющего как синтетическое, так и природное или естественное происхождение именно как наркотик, следует лишь в том случае, если оно напрямую закреплено в Перечне наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю на территории двух наших стран.

Последний, подготовлен на базе международной практике классификации и систематизации аналогичных средств или веществ.

Более того эти предметы материального мира обязаны быть признаны в качестве объекта соответствующего контроля со стороны двух государств.

Понятие Перечня раскрывается в ст. 1 Единой конвенции о наркотических веществах 1961 г. и в ст. 1 Конвенции о психотропных веществах

1971 г., согласно этим документам, под последним необходимо понимать, всего лишь перечни наркотиков, имеющих соответствующую нумерацию

Впрочем, в последнее время в отечественной уголовно правовой доктрине нами отмечается и определенная полемика, направленная на необходимость уточнения и самого понятия «наркотические средства».

Так, в частности, Р. О. Авакян предлагает своим оппонентам понимать под ними «...лекарственные препараты, сырье, растения и их составляющие, содержащие в себе такие вещества, потребление которых без назначения врача вызывает болезненную зависимость от них, в связи, с чем они запрещены законом для использования в немедицинских и научных целях». [1, С. 4]

При этом следует указать последнему, что в Единой Конвенции о наркотических веществах 1961 г. было закреплено вполне определенное количество наркотических средств, прямо запрещенных для использования в дальнейшем в медицинских и научных целях.

Далее, С.П. Дидовская обуславливает содержательное наполнение понятия наркотических средств только двумя критериями, а именно: содержательным и формально-правовым.

Так, с точки зрения «...содержательного критерия, наркотические средства – это такие вещества, которые обладают способностью вызывать при потреблении состояние эйфории, а при систематическом потреблении – психическую и фактическую зависимость от наркотического средства (наркоманию).

Формально – правовой критерий предполагает, что конкретные наркотические средства должны быть указаны в списках, содержащихся в международно-правовых или внутригосударственных документах нормативного характера, в противном случае то или иное средство не может быть признано наркотическим.

Содержательный критерий – ориентир для включения того или иного вещества в список наркотических средств, а формально-правовой – для органов, реализующих предписание в рассматриваемой сфере». [2, С. 89]

Трудно не согласиться с вышеуказанным автором, и видимо, в целом ее необходимо поддержать.

Кроме вышеперечисленных и проанализированных нами признаков, в науке публичного права России давно и видимо в целом, следует это признать, вполне обоснованно выделяются так же и такие общепризнанные критерии наркотиков:

- медицинский – т.е. анализируемое нами средство или вещество в силах оказывать вполне определенное негативное воздействие на психику человека, т.е. посягать на его здоровье в целом;
- социальный – т.е. налицо именно немедикаментозное потребление виновным лицом данного средства, в результате чего и наступают социально опасные последствия деструктивного характера, причем не только для него, но и окружающих его лиц;

- юридический (нормативно-правовой) – наркотические средства де-юре признаны именно наркотическими, т.е. прямо запрещенные к немедицинскому потреблению, в том числе и путем включения последних в соответствующие Перечни.

В настоящее время, по нашему мнению, изобретать какие-либо новые признаки наркотических средств, как это нам предлагают некоторые коллеги, лишено фактического смысла и более того, явной необходимости.

Завершая рассмотрение и анализ поднятых нами проблем, попытаемся обратить внимание наших возможных оппонентов на следующие положения, не требующие своего доказательства, а именно:

1. Понятие «наркотических средств» прямо закреплено и содержательно раскрыто на законодательном уровне двух наших стран.

1. Для того, чтобы вновь созданное наркотическое средство было официально признано наркотическим, последнее должно быть полностью соответствовать трем основным ее критериям, а именно: медицинскому, социальному и законодательному.
2. При этом целью написания моей статьи выступило отнюдь не стремление разработать и предложить современному научному сообществу двух наших стран новые признаки наркотических средств, а всего лишь сравнить их легальное содержательное наполнение, выявив при этом как плюсовые, так и негативные моменты последнего.

## Литература

1. Авакян, Р.О. Наркомания и методы борьбы с нею / Р.О. Авакян. – Ереван, 1990.
2. Дидовская, С.П. Наркомания (Уголовно-правовые и медицинские проблемы) / С.П. Дидовская, Е.В. Фесенко, С.П. Гарницкий. – Киев, 1989.
3. Закон РУз от 19 августа 1999 г. № 813–1 (с изм. и доп. на 02 июня 2022.) «О наркотических средствах и психотропных веществах»
4. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года // Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ. 02 июля 2021. № 400.
6. Распространение наркомании и борьба с наркобизнесом в республике Узбекистан // <http://albest.ru/>
7. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2022 года. – М., ФКУ ГИАЦ МВД России, 2022.
8. УК РУз. Гл. XIX «Преступления, составляющие незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ».

9. ФЗ РФ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022. № 640 – ФЗ) «О наркотических средствах и психотропных веществах»
10. indy- kot. ru
11. Lenta. ru.www. padrobno. us.

### THE CONCEPT OF NARCOTIC DRUGS ACCORDING TO THE LEGISLATION OF RUSSIA AND UZBEKISTAN (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS).

**Malkov S.M., Agafonov A.V.**

Siberian Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia

In the article proposed by the authors, the latter considered some issues directly related to the legally conditioned regulation of the fight against illegal drug trafficking carried out by law enforcement agencies of both the Russian Federation and Uzbekistan on the territory of two neighboring states. To this end, we have considered the legal semantic content of such a regulatory term as “narcotic drugs”, and from the point of view of the conditionality of the latter in a number of legislative acts adopted by both the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan. The essential features of the subject of drug crimes are shown.

**Keywords:** ecstasy, narcotic drugs, hallucinogenic substances, mononarkomania, poly-drug addiction, non-medical consumption of narcotic drugs, homeland security, interests of the Fatherland, Registry of Narcotic drugs, psychotropic Substances and their Precursors, Criminal legislation, Russia, Uzbekistan Republic.

### References

1. Avakian, R.O. Drug addiction and methods of combating it / R.O. Avakian. – Yerevan, 1990.
2. Didovskaya, S.P. Drug addiction (Criminal law and medical problems) / S.P. Didovskaya, E.V. Fesenko, S.P. Garnitsky. – Kiev, 1989.
3. Law of the Republic of Uzbekistan No. 813–1 of August 19, 1999 (with amendments and additions as of June 02, 2022.) “On narcotic drugs and psychotropic substances”
4. On the approval of the Strategy of the State anti-drug policy of the Russian Federation for the period up to 2030 // Decree of the President of the Russian Federation dated November 23, 2020 No. 733.
5. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation. 02 July 2021. No. 400.
6. The spread of drug addiction and the fight against drug trafficking in the Republic of Uzbekistan // [http:// albest.ru/](http://albest.ru/)
7. The state of crime in Russia for January-November 2022. – M., FKU GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022.
8. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Chapter XIX “Crimes constituting illicit trafficking in narcotic drugs or psychotropic substances”
9. Federal Law of the Russian Federation of January 8, 1998 No. 3-FZ (as amended. dated December 29, 2022. No. 640 -Federal Law) “On narcotic drugs and psychotropic substances”
10. indy- kot. ru
11. Lenta. ru.www. padrobno. us.